

Александр Кравецкий

История одной коммуникационной ошибки: миссионерский совет при св. синоде : 16 марта 1945 - 19 октября 1949

Przegląd Wschodnioeuropejski 3, 143-154

2012

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

АЛЕКСАНДР КРАВЕЦКИЙ

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН,
Москва

ИСТОРИЯ ОДНОЙ КОММУНИКАЦИОННОЙ ОШИБКИ: МИССИОНЕРСКИЙ СОВЕТ ПРИ СВ. СИНОДЕ (16 МАРТА 1945 – 19 ОКТЯБРЯ 1949)

В социумах, где действие писаных законов ограничено, особое значение приобретает умение начальников на местах адекватно «угадывать» желания центральной власти. Подобное «угадывание» чревато ошибками. Вспомним хотя бы ревизора Сафьяноса (роман Н.С. Лескова «Некуда»), который, обнаружив у себя в кармане листовки, увидел в этом знак новых веяний и раздал свои экземпляры губернскому бомонду¹. Настоящая работа посвящена одной из таких коммуникационных ошибок.

В архивных материалах, связанных с деятельностью Московской Патриархии после Второй мировой войны, встречаются упоминания о том, что при Патриархии существовал орган, который назывался Миссионерским советом. Время появления, история и назначения этого органа никогда не привлекали внимания историков. Между тем, появление подобной структуры кажется чем-то совершенно фантастичным. Ведь на советском юридическом языке миссионерская деятельность называлась религиозной пропагандой и являлась деянием уголовно наказуемым. Совершенно непонятно, зачем Московская патриархия, предпочитавшая избегать конфронтации с советским государством, создала орган, само название которого было вызовом властям. На самом деле никакого вызова здесь не было.

Предыстория возникновения Миссионерского совета связана не с миссионерской деятельностью, а с готовящимся в 1945 году насильственным присоединением униатов. 2 марта 1945 г. Совет по делам религий при Совете Министров СССР получил от В. М. Молотова указание изучить вопросы, связанные с Греко-католической церковью². 14 марта 1945 г.

¹ Н. С. Лесков, *Собрание сочинений в 12 тт.* Т. 4. Москва 1989, с. 216.

² Т. А. Чумаченко, *Государство, Православная церковь, верующие. 1941–1961 гг.* Москва 1990, с. 52.

председатель Совета Г. Г. Карпов подготовил подробную записку, посвященную борьбе с католицизмом³. В этой записке Карпов утверждал, что в прошлом Русская Церковь внутри страны не вела систематической борьбы против католичества, за исключением западных районов, где действовали православные братства. Не велась борьба с католицизмом и вне страны. Теперь же Совет предполагал использовать Московскую Патриархию для борьбы с влиянием Ватикана:

Русская православная церковь, в прошлом не прилагавшая достаточных усилий для борьбы с католицизмом, в настоящее время может и должна сыграть значительную роль в борьбе против Римско-католической церкви (и против униатства), ставшей на путь защиты фашизма и добывающей свое влияние на послевоенное устройство мира⁴.

Для осуществления этой программы Комитет предлагал ряд практических мер. В их число входило создание во Львове православной епархии и предоставление ей права миссионерской деятельности, поддержка Почаевской лавры (ее настоятель должен был стать викарием Львовского епископа). Внутри униатской церкви предлагалось образовать инициативную группу духовенства, «которая должна будет декларативно заявить о разрыве с Ватиканом и призвать униатское духовенство к переходу в православие». В Латвии и Литве в пику Ватикану предлагалось создавать старокатолические группы. В ряде городов (Рига, Вильнюс, Гродно, Луцк, Львов и Черновцы) предлагалось создать православные братства⁵, предоставив им право заниматься миссионерской и благотворительной деятельностью⁶, то есть прямо нарушать действующие законы. Задачей братств должно было стать укрепление православия и проивопоставление его католицизму.

Для осуществления антикатолической политики Карпов предлагал осуществить ряд мероприятий, в число которых входило и создание при Синоде Русской Православной Церкви Миссионерского совета:

³ Совет по делам РПЦ при СМ СССР. Доклады и письма правительству и ЦК ВКП(б). Государственный архив Российской Федерации (далее: ГАРФ), Ф. 6991. Оп. 1, Д. 29, л. 65–100.

⁴ Совет по делам РПЦ при СМ СССР. Доклады и письма правительству и ЦК ВКП(б)... 66–66 об.

⁵ Братства действительно создавались. На заседании Синода № 15 (18.06.1946) было рассмотрено ходатайство еп. Черновицкого и Буковинского Феодосия (Ковернинского) о скорейшем утверждении Устава Миссионерских братств и о разрешении издания епархиального печатного органа

⁶ Совет по делам РПЦ при СМ СССР. Доклады и письма правительству и ЦК ВКП(б)... 66–67.

В том случае, если вышеуказанные предложения будут правительством одобрены, необходимо будет разрешить следующее:

- а) при Синоде Русской православной церкви организовать Миссионерский совет, который будет заниматься братствами и миссиями;
- б) для подготовки кадров священнослужителей и миссионеров по типу и программе Московских пастырско-богословских курсов открыть курсы в городах: Ленинграде, Киеве, Минске, Луцке, Львове и Ставрополе;
- в) для изготовления богослужебных книг, а также в целях печатания других изданий Московской патриархии и Синода (что сейчас является узким местом), а также в связи с развертыванием миссионерской деятельности за границей, предоставить Московской патриархии право иметь свою типографию на один печатный станок;
- г) предоставить в Москве для Сербской, Грузинской, Антиохийской и Александрийской церквей по одной церкви как ранее имевших в Москве свои подворья⁷.

Эти предложения были утверждены И. В. Сталиным⁸, а 16 апреля 1945 г. на заседании Синода был создан Миссионерский отдел⁹. Председателем этого отдела был назначен экзарх Украины митрополит Киевский и Галицкий Иоанн (Соколов), его заместителем – архиепископ Минский и Белорусский Василий (Ратмиров), а членами – протопресвитер Николай Колчицкий, протоиерей А. П. Смирнов, протоиерей Д. И. Боголюбов, а также управляющий делами Киевского экзархата протоиерей Д. А. Введенский. Обращает на себя внимание тот факт, что большинство его членов связаны с западными областями, где влияние католичества являлось наиболее заметным. Информации о том, чем именно будет заниматься вновь созданный орган, в протоколе нет.

Спустя год, 4 апреля 1946 г., последовало решение Синода о создании Миссионерского совета, который, по всей видимости, должен был заменить бездействующий Миссионерский отдел. Приведем текст Положения о Миссионерском совете:

- 1) Миссионерский совет руководит деятельностью епархиальных миссионерских братств: направляет типовые уставы братств в те епархии, где возникают братства; имеет наблюдение за выполнением уставов на местах, разрешает вопросы, возникающие на местах в процессе деятельности братств; оказывает содействие в деле устройства торжественных братских богослужений и собраний на местах, в деле снабжения братств иконами,

⁷ Совет по делам РПЦ при СМ СССР. Доклады и письма правительству и ЦК ВКП(б)... 68–69.

⁸ Совет по делам РПЦ при СМ СССР. Доклады и письма правительству и ЦК ВКП(б)... 101.

⁹ Журналы заседаний Синода при Патриархе (1.02.1945–30.12.1946). ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 34 а, л. 7 об.

крестами и т. п.; получает от братств годовые отчеты и со своими заключениями докладывает их Священному Синоду. 2) Миссионерский совет объединяет деятельность епархиальных и уездных миссионеров: утверждает их в должности по представлениям епархиальных преосвященных, руководит их деятельностью, дает заключения Священному Синоду по поводу годовых отчетов о их деятельности. 3) Миссионерский совет сосредоточивает у себя сведения о деятельности против православия со стороны инославных церквей и сектантских организаций, о численном составе этих инославных обществ, об отпадающих из православия в католичество и другие исповедания и секты и пр.¹⁰

Мы видим, что положение не ограничивает миссионерскую деятельность борьбой с католичеством и предусматривает существование таких институтов, как миссионерские братства, епархиальные и уездные миссионеры. А поскольку документ, ставший причиной создания Миссионерского совета, имел гриф «совершенно секретно», епархиальные архиереи, ознакомившись с Положением о Миссионерском совете, должны были воспринять этот текст как указание на необходимость развития миссионерства. Дополнительным стимулом для развития миссионерской деятельности стало упоминание о том, что Миссионерский совет заслушивает годовые отчеты архиереев о миссионерской деятельности¹¹. Совет по делам Русской православной церкви сетовал на то, что архиереи «неправильно поняли <это> как указание об организации миссионерской деятельности и приняли ряд мер в этом направлении»¹². Здесь уместно будет привести выдержку отчета за 1947 год архиепископа Крымского Луки (Войно-Ясенецкого), дающую яркое представление об условиях, в которых происходило возрождение миссионерства:

1) Миссионерская деятельность в епархии¹³ невозможна по четырем причинам: 1) Низкий уровень образования и развития крымского духовенства. В епархии только 16 священников с полным семинарским образованием, из них 10 в возрасте 69-83 лет. Такие старцы вряд ли много помнят из курса

¹⁰ Журналы заседаний Синода при Патриархе (1.02.1945–30.12.1946). ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 34 а. 51–52.

¹¹ Совет по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР. Циркулярные и инструктивные письма Совета уполномоченным при Советах министров союзных республик, обл/край/ исполкомах (19.08.1947–8.10.1948). ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 148, с. 37.

¹² Совет по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР. Циркулярные и инструктивные письма Совета уполномоченным при Советах министров союзных республик, обл/край/ исполкомах (19.08.1947–8.10.1948). ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 148, с. 38.

¹³ Следует учитывать, что ситуация в Крымской епархии была достаточно нетипичной. До войны религиозность русского населения Крыма была низкой и основными прихожанами православных храмов были греки и болгары, депортированные в 1944 году.

семинарских наук и по возрасту мало способны к миссионерской деятельности. Нет ни одного священника с академическим образованием. 2) И те единичные священники, которые могли бы проявить хотя бы небольшую миссионерскую деятельность, бессильны ввиду почти полного отсутствия в Крымской епархии литературы о расколе и сектантстве. 3) Некому слушать проповеди против сектантства, так как народ почти не посещает сельских церквей. 4) Собеседования с сектантами, которые я считаю вообще мало полезными, невозможны при существующих политических условиях. Небольшую миссионерскую деятельность осуществлял только сам архиепископ, выступавший в восьми городах и селах с большими полторачасовыми речами о сектантстве, его истории и происхождении и нередко проповедовавший в Симферопольском соборе на догматические темы. Впрочем, сектантов в Крыму не особенно много¹⁴.

Наиболее активные архиереи разделили епархии на миссионерские округа, выделили священников-миссионеров, приступили к созданию епархиальных миссионерских советов. О том, что организация миссионерских структур происходила совершенно открыто, свидетельствует рапорт, который в 1948 г. направил в Синод епископ Пензенский и Саранский Кирилл (Поспелов). Он сообщал, что в епархии имеется вакантная должность лектора-проповедника¹⁵, обязанностью которого является проведение еженедельных «религиозно-нравственных бесед с миссионерским уклоном»¹⁶. На эту должность приглашалось лицо, имеющее академическое образование. Священники, в свою очередь, выстраивали свои проповеди как циклы бесед и организовывали в храмах занятия с детьми¹⁷. Например, священник Покровской церкви г. Бийска после окончания богослужения проводил в храме беседы о религиозных темах в произведениях русских классиков, которые пользовались большой популярностью у молодежи¹⁸. Возродилась и традиция проведения

¹⁴ «Секретно»: архиепископ Крымский Лука (Войно-Ясенецкий) под надзором партийно-советских органов. Сборник документов. / Сост. прот. Н. Доненко и С.Б. Филимонов. Симферополь, 2007, с. 11.

¹⁵ В экземпляре журнала Синода, сохранившемся в архиве Совета по делам РПЦ, слова «лектора-проповедника» подчеркнуты, а на поле имеется характерная приписка: «Запросить уполномоченного, что такое должность „лектор-проповедник” и с согласия кого она учреждена».

¹⁶ Журналы заседаний Синода при Патриархе (28.03–18.11.1948). ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 66 а, с. 33.

¹⁷ Совет по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР. Циркулярные и инструктивные письма Совета уполномоченным при Советах министров союзных республик, обл/край/ исполкомах (19.08.1947–8.10.1948). ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 148, с. 37.

¹⁸ ЦК ВКП(б). Отдел пропаганды и агитации. Записки, справки местных партийных органов, Советов по делам русской православной церкви... Российский Государственный архив социально-политической истории (далее РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 132. Д. 111, с. 200.

в храмах концертов духовной музыки, причем в городе могли расклеиваться объявления о предстоящем концерте.

При этом местные власти не имели четкого представления о том, как должны строиться отношения между Церковью и государством. В Калининской области священник проводил беседы с детьми в школе, а в Ставропольском крае священник с разрешения местной администрации собирал средства в помощь сиротам¹⁹. Оригинальным явлением стало участие архимандрита Агафона (Бубица), настоятеля Псково-Печерского монастыря, в предвыборной кампании 1946 года:

Секретарь Печерского РК ВКП(б) Псковской области т. Пичугина за месяц до выборов в Верховный Совет СССР обратилась к настоятелю Печерского монастыря архимандриту Агафону с просьбой включиться в предвыборную агитацию. Агафон, не желая обидеть местную власть, отправился по церквям района, в которых после службы в проповедях агитировал за выдвигаемые кандидатуры. Районная газета печатала статьи Агафона, пригласила его на митинг, где он выступал с речью третьим²⁰.

Выступления архимандрита в качестве агитатора во время выборов в Верховный совет, конечно же, не стоит рассматривать как форму миссионерской работы. Однако участие священнослужителя в мероприятии такого рода создавало иллюзию того, что государство относится к церковной проповеди вполне лояльно.

Создается впечатление, что произошла своеобразная коммуникационная ошибка, в результате которой часть клириков пришла к выводу, что государство ожидает от Православной Церкви активного участия в жизни страны. Государство же, как мы видели, ничего подобного не имело в виду.

Активизация миссионерской деятельности Церкви в планы властей не входила. Епископ Кишиневский и Молдавский Венедикт (Поляков) в письме патриарху Алексею обвинял республиканского уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви в «открытом саботаже» миссионерского дела. Саботаж заключался в том, что уполномоченный более полугода держал предложенный архиереем список епархиальных миссионеров, не отвергая кандидатов, но и не одобряя их²¹.

¹⁹ ЦК ВКП(б). Отдел пропаганды и агитации. Записки, справки местных партийных органов, Советов по делам русской православной церкви... 201.

²⁰ ЦК ВКП(б). Отдел пропаганды и агитации. Записки, справки местных партийных органов, Советов по делам русской православной церкви... 202.

²¹ *Православие в Молдавии: Власть, церковь, верующие. 1940–1991*. Собр. документов: В 4 т. / Отв. ред., сост. и автор предисловия В. Пасаг. Москва, 2009. Т. 1: 1940–1953, с. 296–297.

К середине 1948 года наличие коммуникационной ошибки было осознано и власти решили расставить все точки над *i*. В июле 1948 года Совет по делам Русской православной церкви разослал уполномоченным секретную инструкцию, в которой предлагалось пресекать подобные действия:

В феврале 1948 года Московская патриархия предложила епархиальным управлениям сообщать в годовом отчете сведения о миссионерской работе. Этот вопрос некоторые правящие архиереи неправильно поняли как указание об организации миссионерской деятельности и приняли ряд мер в этом направлении. Так, некоторые из них организовали при себе миссионерский совет; выделили священников-миссионеров; наметили т.н. миссионерские округа; разработали план миссионерской работы, как например: проведение специальных бесед, издание и распространение миссионерской литературы и т.п. мероприятия миссионерского характера, направленные, главным образом, против сектантов и других религиозных культов. Совет разъясняет, что Московская патриархия не ставила перед Советом вопроса о миссионерской деятельности церкви и вообще подобного рода деятельность церкви может быть допущена в каждом отдельном случае только с разрешения Совета.

Там, где епархиальные архиереи начали проводить указанные мероприятия по миссионерской работе, уполномоченным следует лично в тактичной форме разъяснить епископу, что вопрос об организации миссионерской деятельности он может поставить перед Московской патриархией, которая, если найдет это нужным, войдет с представлением в Совет²².

Однако инструктажем уполномоченных дело не ограничилось. Совет потребовал от Патриархии призвать архиереев ограничить миссионерскую деятельность. И на заседании Синода, состоявшемся 25 августа 1948 г., был подготовлен указ, в котором епархиальным архиереям запрещалось совершать объезды епархии во время посевной, печатать в местных типографиях воззвания, обращения к пастве и акафисты без предварительного представления этих материалов Священному Синоду. Специальный пункт был посвящен духовным концертам:

Духовные концерты вообще – дело не строго церковное, и могут быть допускаемы лишь в особых, исключительных случаях. Что касается обычного порядка – их не следует допускать и поощрять. Расклеивание же объявлений об этих концертах, как это имело место в одном епархиальном городе,

²² Совет по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР. Циркулярные и инструктивные письма Совета уполномоченным при Советах министров союзных республик, обл/край/ исполкомах (19.08.1947-8.10.1948). ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 148, с. 37–38.

– совершенно недопустимо. Преосвященным епархиальным надлежит усилить свое внимание по отношению к истовому и благоговейному совершению духовенством богослужений и строго церковному пению, и всеми мерами бороться против введения в церковный обиход мирского духа, чему способствуют и эти так называемые духовные концерты²³.

Нужно сказать, что сомнения об уместности организации в храмах концертов, высказывались еще в начале XX века. Здесь же обращает на себя внимание несомненно появившееся под давлением Совета заявление о недопустимости расклеивания объявлений, сообщающих о концерте. Такие объявления могли привлечь в храмы не только верующих, но любителей музыки и просто любопытствующих.

Но наиболее чувствительным ударом по миссионерской и катехизаторской деятельности стал запрет проводить в храмах регулярные беседы, адресованные детям, а также требование к священникам не выходить в своей деятельности за пределы храма:

Проповеди и беседы в храме – законное дело, согласно принятому в Церкви обычаю и по долгу пастыря назидать своих пасомых церковным словом. Но придавать этим поучениям характер систематических уроков специально для детей недопустимо потому, что это является прикровенным нарушением действующего у нас государственного принципа отделения школы от церкви. <...> Все настоящие указания высшей церковной власти клонятся к тому, чтобы направить деятельность архипастырей, а за ними и пастырей, в строго церковное русло и парализовать стремление некоторых епископов и подведомственных им священников выходить, так сказать, за ограду церковную и простирать свое влияние вне своих непосредственных паств. Дорожа свободой исповедания веры и широкой возможностью совершать во все умножающихся, благодарение Богу, храмах церковные богослужения и молитвы, – архипастыри, и пастыри, и верующие миряне не должны подавать повод к возможному осуждению их в том, что они злоупотребляют дарованной им свободой, что духовенство (а в особенности епископы) склонно «расширять воскрилия риз своих»²⁴, и, забывая о том, что наше служение есть следование по пути «смирненного сердцем Иисуса»²⁵, нашего пастырначальника и Господа, идти по несвойственному духу православного пастырства пути мирскому с его тяготением к внешним земным правам и благам²⁶.

²³ Журналы заседаний Синода при Патриархе (28.03-18.11.1948). ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 66 а, с. 45.

²⁴ Ср.: Мф. 23, 5.

²⁵ Ср.: Мф. 11, 29.

²⁶ Журналы заседаний Синода при Патриархе (28.03-18.11.1948). ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 66 а, с. 45.

Журнал этого заседания Синода не был опубликован. Архиереи получали его копии из Патриархии, а уполномоченным этот же текст рассылался в качестве приложения к инструктивному письму, в котором прямо сообщалось, что этот указ появился в результате рекомендации, полученной патриархом Алексием I от Совета²⁷.

Для священников и архиереев, пытавшихся организовать религиозное просвещение, этот указ был ударом. Их позицию высказал архиепископ Симферопольский Лука (Войно-Ясенецкий). В своем письме, адресованном патриарху, святитель Лука писал, что постановление, запрещающее проповедовать детям и учить их закону Божию, его потрясло и что лучшие священники обращаются к своему архиерею с вопросом, зачем они крестят детей, если не могут их научить²⁸.

По всей видимости, письмо святителя Луки задело патриарха, и в ответном послании он достаточно подробно аргументировал свою позицию²⁹. Патриарх писал, что запрещена не проповедническая деятельность вообще, а лишь проведение под видом проповедей «систематических уроков, предполагающих специальный созыв детей, как на школьные уроки»³⁰. Патриарх, в частности, ссылался на напечатанную в «Журнале Московской Патриархии» статью самого святителя Луки, где говорилось о том, что у Православной Церкви нет оснований для вражды против правительства³¹. Перечислив шаги, которые власти сделали навстречу Церкви (возвращение мощей, открытие духовных учебных заведений, открытие храмов), патриарх писал, что при воспитании и обучении прихожан не следует выходить за пределы прав, которые государство предоставило Церкви, нельзя обходить или нарушать законы государства. Слишком активные действия Церкви могли, по мысли патриарха, нарушить status quo и снова вернуть эпоху массовых гонений. Поэтому невозможность открытия воскресных школ признается в этом письме чуть ли не благом:

Допустим, однако, невозможное, именно, что была бы разрешена организация воскресных школ или каких-либо специальных классов для преподавания

²⁷ Совет по делам РПЦ при Совете министров СССР. Секретные циркулярные и инструктивные письма Совета уполномоченным при советах министров союзных республик, обл (край) исполкомов. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. № 288, с. 71.

²⁸ Совет по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР. Совершенно секретная... с. 154.

²⁹ По этому письму патриарха мы и судим о содержании письма святителя Луки (Совет по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР. Совершенно секретная...).

³⁰ Совет по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР. Совершенно секретная... с. 154.

³¹ См.: Лука (Войно-Ясенецкий), архиеп. «К миру призвал нас Господь» (1 Кор. 7. 15), „Журнал Московской патриархии“ 1948, № 1, с. 63.

Закона Божия. Представляете ли Вы себе, какая это была бы богатая почва для обвинения «законоучителей» в контрреволюционных уклонах, в антисоветских выступлениях и т.д. И сколько было бы новых жертв таких сознательных или даже бессознательных выступлений! Так что хорошо, что священнослужители избавлены от этой опасности³².

Святитель Лука был не единственным архиереем, пытавшимся отстоять возможность организации духовного просвещения паствы. На заседании Синода, состоявшемся 16 ноября 1948 г., был рассмотрен рапорт епископа Ульяновского Серафима (Шарапова) о желательности организации во всех храмах циклов проповедей, проводимых по программе, утверждаемой архиереем. Эти проповеди должны были заменить уроки Закона Божия. Епископ Серафим пробовал организовать такие циклы проповедей у себя в епархии, однако уполномоченный опротестовал его распоряжение. Синод епископа Серафима не поддержал и принял следующее решение:

Разъяснить Преосвященному Ульяновскому, что каждый священник по воскресным и праздничным дням может говорить поучения на евангельские темы и разъяснять истины веры Христовой, но преподавать Закон Божий по определенной программе и определенной системе, это будет противоречить Декрету отделения [sic! – А. К.] Церкви от государства и школы от Церкви и потому допущено быть не может. Необходимо разъяснять духовенству, что их проповеди по объяснению Евангелия должны быть чужды всякого вмешательства в политику и носить чисто церковный характер.³³

Чувствуя противодействие властей, епархиальные архиереи стали, фактически занимаясь миссионерской деятельностью, стараться избегать использовать слово «миссия». Например, временно управляющий Кишиневской епархией епископ Нектарий (Григорьев), предлагая уполномоченному план проведения 22 февраля 1949 г. благочиннического собрания, включает в эту программу такой пункт:

Опровержение сектантства за богослужением (без проведения со стороны духовенства специальной миссионерской деятельности)³⁴.

³² Совет по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР. Совершенно секретная... 156.

³³ Журналы заседаний Синода при Патриархе (28.03–18.11.1948). ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 66 а, с. 57.

³⁴ Православие в Молдавии: Власть, церковь, верующие. 1940–1991. Собр. документов. / Отв. ред., сост. и автор предисловия В. Пасат. Москва, 2009. Т. 1, с. 407.

«Опровержение сектантства», вне всякого сомнения, является формой миссионерской деятельности, однако слово «миссия» может вызвать недовольство властей, поэтому епископ и оговаривает, что миссионерской деятельностью никто заниматься не собирается.

Судя по всему, Патриархия изо всех сил старалась балансировать между требованиями властей о прекращении какой-либо учительной деятельности и стремлением эту деятельность все-таки проводить. На заседании Синода, состоявшемся 21 февраля 1949 г., был заслушан отчет Миссионерского совета, на основе которого было постановлено лучшим методом борьбы с сектантством признать открытие большего числа приходских храмов. Архиереям было предложено обратить особое внимание на поднятие дисциплины среди духовенства, «так как в борьбе с сектантством имеет большое значение безупречная личная жизнь духовенства», а также «принять все меры к поднятию совершения богослужений на должную высоту»³⁵. Кроме того, Синод очередной раз обратился к Совету с просьбой о регистрации разъездных священников, которые могли бы совершать требы в селах, где нет храма³⁶.

Это решение стало последним действием Синода, связанным с деятельностью Миссионерского совета. На заседании Синода, состоявшемся 19 октября 1949 г., по предложению Патриарха Миссионерский совет был ликвидирован³⁷. Протокол заседания не сообщает о мотивах этого решения. У нас нет материала для того, чтобы строить предположения о том, исходила ли эта инициатива от Совета по делам Русской православной церкви или же Патриарх сам предпочел ликвидировать структуру, одно название которой могло вызывать у властей раздражение. Известно, что к тому времени государственное давление на Церковь заметно возросло. Определенную роль в этом сыграл тот факт, что проект превращения Москвы в «православный Ватикан», как выяснилось, не имеет шансов быть реализованным. Церковная «оттепель» заканчивалась. Сохранять совет, основной задачей которого была запрещенная законом «религиозная пропаганда и агитация» больше не имело смысла³⁸.

³⁵ Журналы заседаний Синода при Патриархе (27.01–23.12.1949). ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 73 а, с. 2.

³⁶ О борьбе Патриархии за легализацию института разъездных священников см. А. Л. Беглов, *В поисках «безгрешных катакомб»: Церковное подполье в СССР*. Москва 2008, с. 174–175, 227–229.

³⁷ Журналы заседаний Синода при Патриархе (27.01–23.12.1949). ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 73 а, с. 57.

³⁸ О церковно-государственных отношениях в конце 40-х годов XX века см.: М. В. Шкаровский *Русская Православная Церковь и советское государство в 1943–1964 годах: От «перемирия» к новой войне*. Санкт-Петербург 1995, с. 39–45; Т. А. Чумаченко *Государство, Православная церковь, верующие. 1941–1961 гг.* Москва 1999, с. 108–125.

**The Insight into one Case of Communicative Misunderstanding
(the Missionary Council of the Holy Synod)**

The article is devoted to one case of communicative misunderstanding when is the course of the campaign aimed at liquidating Greek Catholic Church, the Soviet authorities in charge for the control over religious organizations demanded the Orthodox Church should organize missionary departments. Authorities presupposed those departments were to only provide anti-Catholic propaganda, but due to the secret character of the official suppressing of Greek Catholic Church, the Moscow Patriarchy appeared not to comprehend (or preferred not to comprehend) the authorities intentions and started to organize missionary activity across the country. It took four years to get the situation reversed.